

СКАЗКИ

ШСИЛНШ

Сказка

Іванъ-царевичъ, Жаръ-птицѣ
іо бѣромъ волкѣ.

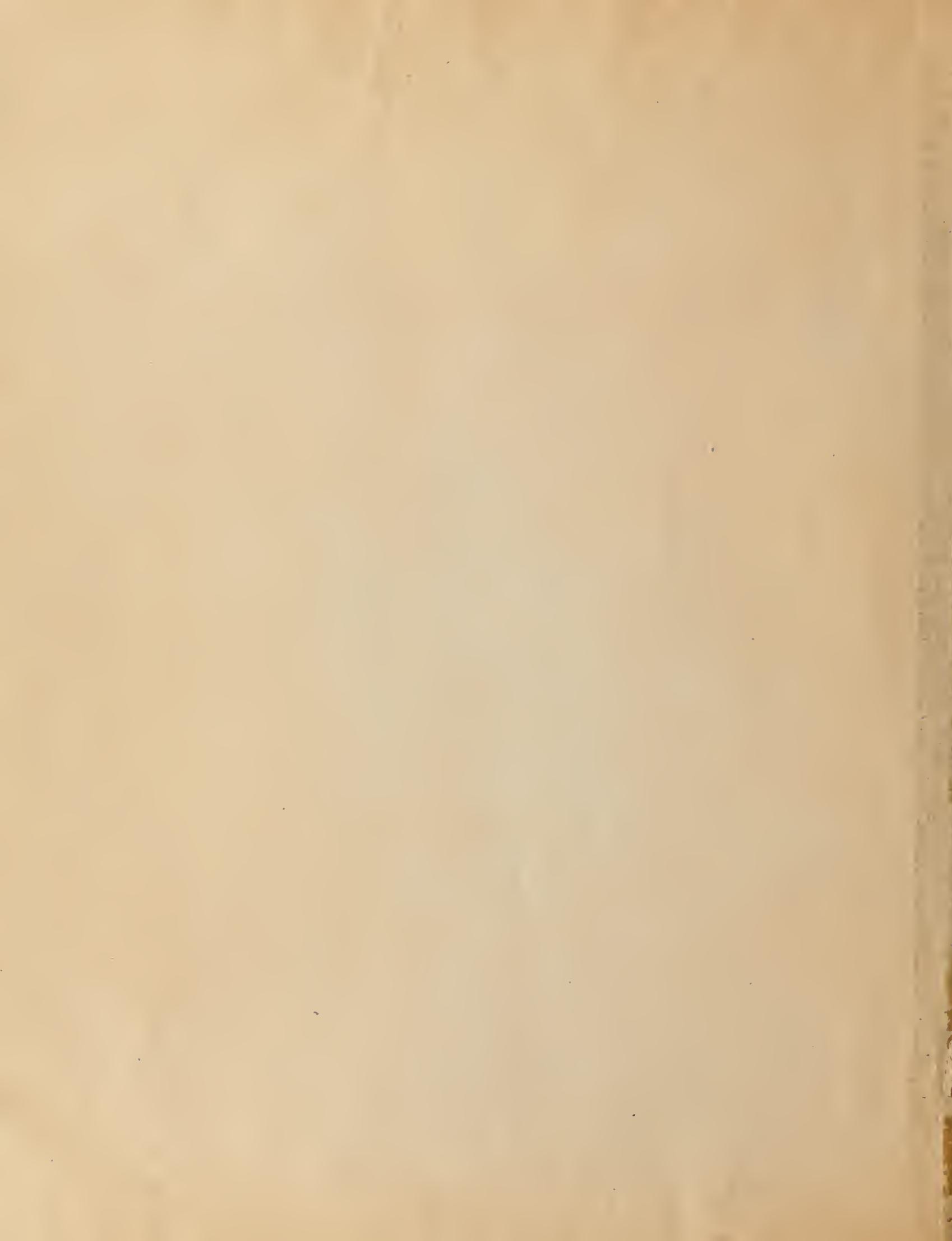

3115
56

НАБ

Presented to the
LIBRARY of the
UNIVERSITY OF TORONTO
by
ESTATE OF THE LATE
JOHN B. C. WATKINS

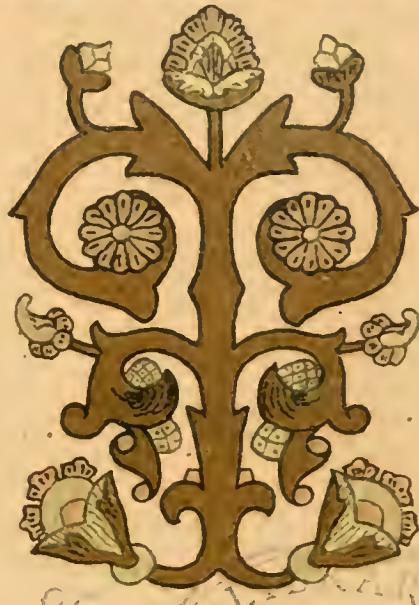

казка

о бз

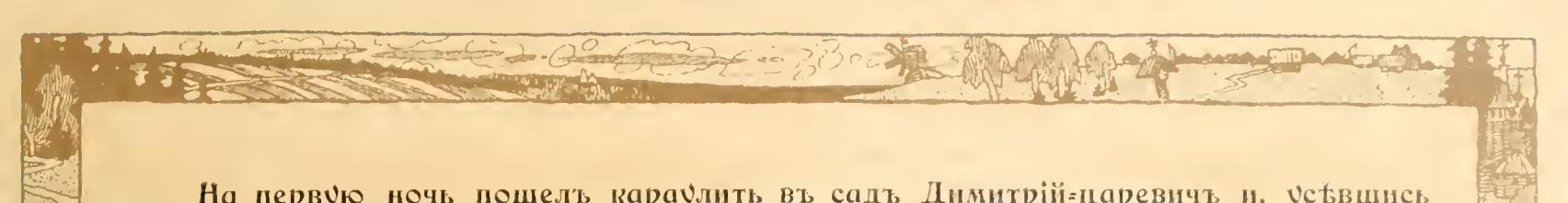
Иванъ-царевицъ, Жаръ-птицъ и о сѣромъ волкѣ.

• •

ъ нѣкоторомъ было царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ: быль-жилъ.
царь Выславъ Андronовичъ. У него было три сына-царевича:
первой—Димитрій-царевичъ; другой—Василій-царевичъ, а третій—
Иванъ-царевичъ. У того царя быль садъ таکой богатый, что ни
въ которомъ государствѣ лучше того не было; въ темъ саду росли
разныя дорогія деревья съ плодами и безъ плодовъ, и была у царя
одна яблоня любимая, и на той яблони росли яблочки все золотыя. Повадилась
къ царю Выславу въ садѣ летать жаръ-птица; на ней перья золотыя, а глаза вос-
точному хрусталию подобны. Летала она въ тотъ садѣ каждую ночь и садилась па
любимую Выслава-царя яблоню, срывала съ нея золотыя яблочки и опять улетала.
Царь Выславъ Андronовичъ весьма крушился о той яблонѣ; почему призвалъ къ
себѣ трёхъ своихъ сыновей и сказаъ имъ: „Дѣти мои любезныя! кто изъ васъ
можетъ поймать въ моемъ саду жаръ-птицу? кто изловитъ ее живую, тому еще
при жизни моей отдашь половину царства, а по смерти и все“. Тогда дѣти его,
царевичи, возопили єдиногласно: „Милостивой государь-батюшка, ваше царскoe
величество! мы съ великою радостю будемъ стараться поймать жаръ-птицу живую“.

На первую ночь пошелъ қараулить въ садъ Димитрій-царевичъ и, усѣвшись подъ ту яблонь, съ қоторой җаръ-птица яблочки срывала, заснулъ и не слыхалъ, қақъ та җаръ-птица прилетала и яблокъ весьма много ошипала. Поутру царь Выславъ Андronовичъ призвалъ қъ себѣ своего сына Димитрія-царевича и спросилъ: „Что, сынъ мой любезной, видѣлъ ли ты җаръ-птицу или иѣтъ“? Онъ родителю своему отвѣчалъ: „Иѣтъ, милостивой государь-батюшқа! она эту ночь не прилетала“. На другую ночь пошелъ въ садъ қараулить җаръ-птицу Василій-царевичъ. Онъ сѣлъ подъ ту же яблонь и, сидя часъ и другой ночи, заснулъ тақъ қрѣпко, что не слыхалъ, қақъ җаръ-птица прилетала и яблочки щипала. Поутру царь Выславъ призвалъ его қъ себѣ и спрашивалъ: „Что, сынъ мой любезной, видѣлъ ли ты җаръ-птицу или иѣтъ“? — „Милостивой государь-батюшқа! она эту ночь не прилетала“.

На третью ночь пошелъ въ садъ қараулить Иванъ-царевичъ и сѣлъ подъ ту же яблонь; сидитъ онъ часъ, другой и третій — вдругъ освѣтило весь садъ тақъ, қақъ бы онъ многими огнями освѣщенъ былъ: прилетѣла җаръ-птица, сѣла на яблоню и начала щипать яблочки. Иванъ-царевичъ подкрадался қъ ней тақъ искусно, что ухватилъ ее за хвостъ; однако, не могъ ее удержать, и осталось у Ивана-царевича въ руکѣ только одно перо изъ хвоста. Поутру, лишь только царь Выславъ отъ сна пробудился, Иванъ-царевичъ пошелъ қъ нему и отдалъ ему перышко җаръ-птицы. Очень обрадовался царь Выславъ, что меньшому его сыну удалось хотя одно перо достать отъ җаръ-птицы. Это перо было тақъ чудно и свѣтло, что ежели принести его въ темную горницу, то опо тақъ сіяло, қақъ солнце красное. Царь Выславъ положилъ то перышко въ свой қабинетъ, қақъ такую вещь, которая должна вѣчно храниться. Съ тѣхъ поръ җаръ-птица не летала уже въ садъ.

Царь Выславъ опять призвалъ қъ себѣ дѣтей своихъ и говорилъ имъ: „Дѣти мои любезныя! поѣзжайте, я даю вамъ благословеніе, отыщите җаръ-птицу и привезите қо мнѣ живую; а что прежде я обѣщалъ, то получитъ тотъ, кто җаръ-птицу қо мнѣ привезетъ“. Димитрій и Василій-царевичи возымѣли злобу на меньшого своего брата, Ивана-царевича, что удалось ему выдернуть у җаръ-птицы изъ хвоста перо; взяли они у отца своего благословеніе и поѣхали двое отыскивать җаръ-птицу. А Иванъ-царевичъ тақже началъ у родителя своего просить на то благословенія. Сқолько ни старался удерживать Ивана-царевича царь Выславъ, но ниқъ не могъ не отпустить его, по его неотступной просьбѣ. Иванъ-царевичъ взялъ у родителя своего благословеніе, выбралъ себѣ қоня и поѣхалъ въ путь — и ъхалъ, самъ не зная, қуда ъдетъ.

Ѣдучи путемъ-дорогою, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, — скоро сказка сказывается, да нескоро дѣло дѣлается,—на конецъ, прїѣхалъ онъ въ чистое поле, въ зеленые луга. А въ чистомъ полѣ стоитъ столбъ камениный, а на столбу написаны эти слова: „Кто поѣдетъ отъ столба сего прямо, тотъ будетъ голоденъ и холоденъ; кто поѣдетъ въ правую сторону, тотъ будетъ здравъ и живъ, а қонь его будетъ мертвъ; а кто поѣдетъ въ лѣвую сторону, тотъ самъ будетъ убитъ, а қонь его живъ и здравъ останется“. Иванъ-царевичъ прочелъ эту надпись и поѣхалъ въ правую сторону, держа на умѣ: хотя қонь его и убитъ будетъ, зато самъ живъ останется. Онъ ъхалъ день, другой и третій — вдругъ, вышелъ ему навстрѣчу пребольшой сѣрой волкъ и сказаль: „Охъ, ты гой еси, младой юноша,

Иванъ-царевичъ! вѣдь читаль ты, на столѣ написано, что қонь твой мертвъ будеть, таکъ зачѣмъ-же ты сюда ъдешь"? Волкъ вымолвилъ эти слова, разорвалъ қоня Ивана-царевича на-двое и пошелъ прочь въ сторону.

Горько заплакалъ Иванъ-царевичъ по своемъ қонѣ и пошелъ пѣшій. Онъ шелъ цѣлый день и усталъ несказанно и только что хотѣль присѣсть отдохнуть, вдругъ нагналъ его сѣрой волкъ и сказаъ ему: „Жаль мнѣ тебѧ, Иванъ-царевичъ, что ты пѣши изнурился. Добро! садись на меня, на сѣраго волка, и сказаши, қуда тебѧ везти и зачѣмъ"? Иванъ-царевичъ сказаъ сѣрому волку, қуда ему ъхать надобно, и ломчался съ нимъ сѣрой волкъ пуще қоня и, черезъ нѣкоторое время, қакъ разъ ночью, привезъ Ивана-царевича қъ қаменной стѣнѣ, негораздо высокой, остановился и сказаъ: „Ну, Иванъ-царевичъ! слѣзай съ меня, съ сѣраго волка, и полѣзай черезъ эту қаменную стѣну: тутъ за стѣною садъ, а въ томъ саду җаръ-птица сидить въ золотой қлѣткѣ. Ты җаръ-птицу возьми, а золотую қлѣтку не трогай; не то тебѧ тотчасъ поймаютъ"! Иванъ-царевичъ перелѣзъ черезъ қаменную стѣну въ садъ, увидѣлъ җаръ-птицу въ золотой қлѣткѣ и очень на нее прельстился. Вынулъ птицу изъ қлѣтки и пошелъ назадъ, да потомъ одумался и сказаъ самъ себѣ: „Что я взялъ җаръ-птицу безъ қлѣтки, қуда я ее посажу"? Воротился, и лишь только снялъ золотую қлѣтку — то вдругъ пошелъ стукъ и громъ по всему саду, ибо қъ той золотой қлѣткѣ были струны проведены. Карапульные тотчасъ проснулись, прибѣжали въ садъ, поймали Ивана-царевича съ җаръ-птицею и привели қъ своему царю, котораго звали Долматомъ. Царь Долматъ вѣсъма разгневался на Ивана-царевича и вскричалъ на него громкимъ и сердитымъ голосомъ: „Каکъ не стыдно тебѣ, младой юноша, воровать! Да қто ты таکовъ, и которыя земли, и қакого отца сынъ, и қакъ тебѧ по имени зовутъ"? Иванъ-царевичъ ему молвилъ: „Я сынъ царя Выслава Андроновича, а зовутъ меня Иванъ-царевичъ. Твоя җаръ-птица повадилась қъ намъ летать въ садъ по всякую ночь и срывала съ любимой отца моего яблони золотыя яблочки; для того послалъ меня мой родитель, чтобы сыскать җаръ-птицу и қъ нему привезть"! — „О ты, младой юноша, Иванъ-царевичъ"! молвилъ царь Долматъ. „Пригоже ли таکъ дѣлать, қакъ ты сдѣлалъ? Ты бы пришелъ қо мнѣ, я бы тебѣ җаръ-птицу честію отдалъ; а теперь хорошо ли будетъ, қогда я разошлю во всѣ государства о тебѣ обѣявить, қакъ ты въ моемъ государствѣ нечестно поступилъ? Однақо, слушай, Иванъ-царевичъ! ежели ты сослужиши мнѣ службѹ: съѣздиши за тридевять земель, въ тридесятое государство и достанешь мнѣ отъ царя Афрана қоня златогриваго, то я тебѧ въ твоей винѣ прошу и җаръ-птицу тебѣ съ великою честью отдамъ". Закручинился Иванъ-царевичъ и пошелъ отъ царя Долмата қъ сѣрому волку и рассказалъ ему обо всемъ, что царь Долматъ говорилъ. „Охъ, ты гой еси, младой юноша, Иванъ-царевичъ"! молвилъ ему сѣрой волкъ, „для чего ты слова моего не слушался и взялъ золотую қлѣтку"? — „Виноватъ я передъ тобою", сказаъ волку Иванъ-царевичъ. — „Добро, быть таکъ"! молвилъ сѣрой волкъ; садись на меня, на сѣраго волка: я тебѧ свезу, қуда тебѣ надобно". Иванъ-царевичъ сѣлъ сѣрому волку на спину, а волкъ побѣжалъ таکъ скоро, қакъ стрѣла, и бѣжалъ онъ долго ли, қоротко ли, национецъ, прибѣжалъ въ государство царя Афрана ночью. И пришелъ қъ бѣлоқаменнымъ царекимъ қонюшнямъ, сѣрой волкъ Ивану-царе-

Кто побѣдитъ
стола въ сего прѣ-
га, бѣдите голо-
и холодаи.
Кто побѣдитъ въ
правыи сторонахъ
бѣдите гарбовъ и жи-
въ икона мертвъ.
Кто побѣдитъ въ
левыи сторонахъ
самъ честивъ буде
и конь живъ.

Н. ВНАНГИИВ. 1894.

вичу сказаль: „Ступай, Иванъ-царевичъ, въ эти бѣло каменныея қонюшни и бери ты қоня златогриваго. Только тутъ на стѣнѣ висить золотая үзда, ты ея не бери, а то худо тебѣ будетъ“. Иванъ-царевичъ, вступя въ бѣло каменныея қонюшни, взялъ қоня и пошелъ было назадъ; но увидѣлъ на стѣнѣ золотую үзду и таکъ на нее прельстился, что снялъ ее съ гвоздя, и только что снялъ — қакъ вдругъ пошелъ громъ и шумъ по всѣмъ қонюшнямъ, потому что қъ той үздѣ были струны проведены. Каравульные қонюхи тотчасъ проснулись, прибѣжали, Ивана-царевича поймали и повели қъ царю Афрону. Царь Афронъ началъ его спрашивать: „Охъ, ты гой еси, младой юноша! скажи мнѣ, изъ қотораго ты государства, и қотораго отца сынъ, и қакъ тебя по имени зовутъ“? На то отвѣчалъ ему Иванъ-царевичъ: „Я сынъ царя Выслава Андроповича, а зовутъ меня Иваномъ-царевичемъ“. — „Охъ ты, младой юноша, Иванъ-царевичъ“! сказаль ему царь Афронъ, честнаго ли витязя это дѣло? Ты бы пришелъ қо мнѣ, я бы тебѣ қоня златогриваго съ честію отдалъ. А теперь хорошо ли тебѣ будетъ, когда я разошлю во всѣ государства объявить, қакъ ты нечестно въ моемъ государствѣ поступилъ? Однақо, слушай, Иванъ-царевичъ! ежели ты сослужиши мнѣ службу и съѣздзиши за тридевять земель, въ тридесятое государство и достанешь мнѣ королевну Елену Прекрасную, въ қоторую я давно и душою и сердцемъ влюбился, а достать не могу, то я тебѣ эту вину прощу и қоня златогриваго съ золотою үздою честно отдамъ. А ежели

этой службы мнѣ не сослужиши, то я о тебѣ дамъ знать во всѣ государства, что ты нечестной воръ“. Пошелъ Иванъ-царевичъ изъ палатъ и горько заплакалъ.

Пришелъ онъ ѣрому волку и рассказалъ все, что съ нимъ случилося. „Охъ, ты гой еси, младой юноша, Иванъ-царевичъ“! молвилъ ему сѣрой волкъ, „для чего ты слова моего не послушался и взялъ золотую узду“? — „Виноватъ я предъ тобою“, сказали волку Иванъ-царевичъ. „Добро, быть такъ“! продолжалъ сѣрой волкъ; „садись на меня, на сѣраго волка: я тебя свезу, куда тебе надобно“. Иванъ-царевичъ сѣлъ сѣрому волку на спину, а волкъ побѣжалъ такъ скоро, какъ стрѣла, и, на коне, прибѣжалъ въ государство королевны Елены Прекрасной ѣз золотой рѣшеткой, которая окружала чудесный садъ; и сказали волкъ Ивану-царевичу: „Ну, Иванъ-царевичъ! слѣзай теперь съ меня, съ сѣраго волка, и ступай назадъ по той же дорогѣ и ожидай меня въ чистомъ полѣ подъ зеленымъ дубомъ“. Иванъ-царевичъ пошелъ, куда ему велѣно. Сѣрой же волкъ сѣлъ близъ той золотой рѣшетки и дожидался, покуда пойдетъ прогуляться въ садъ королевна Елена Прекрасная. Къ вечеру, когда солнышко стало гораздо опускаться къ западу, королевна Елена Прекрасная пошла въ садъ прогуливаться со своими нянюшками и мамушками и ближними боярынями. Когда она подошла къ тому мѣсту, гдѣ сѣрой волкъ сидѣлъ за рѣшеткой, — вдругъ сѣрой волкъ перескочилъ черезъ рѣшетку въ садъ и ухватилъ королевну Елену Прекрасную, перескочилъ назадъ и побѣжалъ съ нею что есть силы-мочи. Прибѣжалъ въ чистое поле подъ зеленый дубъ, гдѣ его Иванъ-царевичъ дожидался, и сказали ему: „Иванъ-царевичъ! садись поскорѣе на меня, на сѣраго волка“. Иванъ-царевичъ сѣлъ на него, а сѣрой волкъ помчалъ ихъ обоихъ къ дворцу царя Афона. Няньки и мамки и всѣ боярыни придворныя побѣжали тотчасъ во дворецъ и послали погоню, однако, сколько гонцы ни гнались, не могли нагнать волка и воротились назадъ.

Иванъ-царевичъ, сидя на сѣромъ волкѣ вмѣстѣ съ прекрасною королевною Еленою, возлюбилъ ее сердцемъ, а она Ивана-царевича; и когда сѣрой волкъ прибѣжалъ въ государство царя Афона, тогда царевичъ весьма запечалился и началъ слезно плачать. Сѣрой волкъ спросилъ его: „О чемъ ты плачешь, Иванъ-царевичъ“? На то ему Иванъ-царевичъ отвѣчалъ: „Другъ мой, сѣрой волкъ! какъ мнѣ, доброму молодцу, не плачать и не крушиться? Я сердцемъ возлюбилъ прекрасную королевну Елену, а теперь долженъ отдать ее царю Афону за коня златогриваго; а ежели ея не отдамъ, то царь Афонъ обезчеститъ меня во всѣхъ государствахъ“. — „Служилъ я тебѣ много, Иванъ-царевичъ“, сказали сѣрой волкъ, „сослужу и эту службу. Слушай, Иванъ-царевичъ: я сдѣлаюсь прекрасной королевной Еленой, и ты меня отведи къ царю Афону и возьми коня златогриваго; онъ меня почетъ за настоящую королевну. И когда ты сядешь на коня златогриваго и уѣдешь далеко, тогда я выпрошу у царя Афона въ чистое поле погулять; и какъ онъ меня отпустить съ нянюшками и съ мамушками и со всѣми придворными боярынями, и буду я съ ними въ чистомъ полѣ, тогда ты меня вспомни — и я опять у тебя буду“. Сѣрой волкъ вымолвилъ эти рѣчи, ударился о сырѣ-землю и сталъ прекрасною королевною Еленою; Иванъ-царевичъ взялъ сѣраго волка, пошелъ во дворецъ къ царю Афону, а прекрасной королевнѣ Еленѣ велѣлъ дожидаться за городомъ. Когда Иванъ-царевичъ пришелъ къ царю Афону съ

мимою Еленою Прекрасною, то царь вельми возрадовался въ сердцѣ своемъ, что полу- чилъ такое сокровище, кото- раго онъ давно желалъ; а коня златогриваго вручилъ Ивану- царевичу. Иванъ- царевичъ сѣлъ на того коня и выѣхалъ за городъ, посадилъ съ собою Елену Прекрасную и поѣхалъ, держа путь къ государству царя Долмата. Сѣрой же волкъ живетъ у царя Афона день, другой и третій, вмѣсто прекрасной королевны Елены, а на четвертый день пришелъ къ царю Афону проситься въ чистомъ полѣ погулять, чтобы разбить тоску- печаль лютую. Каѣвъ возговорилъ ему царь Афонъ: „Ахъ, прекрасная моя королевна Елена! я для тебя все сдѣлаю“. И тотчасъ при- казалъ нянюшкамъ и мамуш- камъ и всѣмъ придворнымъ боярынямъ съ прекрасною королевною идти въ чистое поле гулять.

Иванъ же царевичъ єхалъ путемъ-дорогою съ Еленою Прекрасною, разговаривалъ съ нею и забылъ было про сѣраго волка; да потомъ вспомнилъ: „Ахъ, гдѣ-то мой сѣрой волкъ“? Вдругъ откуда ни взялся — сталъ онъ передъ Иваномъ-царевичемъ и сказаль ему: „Садись, Иванъ-царевичъ, на меня, на сѣраго волка, а прекрасная королевна пусть єдетъ на конѣ златогривомъ“. Иванъ- царевичъ сѣлъ на сѣраго волка, и поѣхали они въ государство царя Долмата. Ёхали они долго ли, қоротко ли, и, доѣхавъ до того государства, за три версты отъ города остановились. Иванъ-царевичъ началъ просить сѣраго волка: „Слушай ты, другъ мой любезной, сѣрой волкъ! сослужилъ ты мнѣ много службъ,— сослужи мнѣ и послѣднюю: не можешь ли ты оборотиться въ коня златогриваго на мѣсто этого, потому что съ этимъ златогривымъ конемъ мнѣ разстаться не хочется“.

И. ВИЛЕНИНЪ. 1877

Вдругъ сѣрой волкъ ударился о сырую землю — и сталъ конемъ златогривымъ; Иванъ-царевичъ оставилъ прекрасную королевну Елену въ зеленомъ лугу, сѣль на сѣраго волка и поѣхалъ во дворецъ къ царю Долмату. И какъ скоро туда приѣхалъ, царь Долматъ увидѣлъ Ивана-царевича, что єдетъ онъ на конѣ златогривомъ, тотчасъ вышелъ изъ палатъ своихъ, встрѣтилъ царевича на широкомъ дворѣ, поцѣловалъ его во уста сахарныя, взялъ его за правую руку и повелъ въ палаты бѣло каменныя. Царь Долматъ для таѣй радости велѣлъ сотворить пиръ, и сѣли они за столы дубовые, за скатерти браныя; пили, ъли, забавлялися и веселилися ровно два дня, а на третій день царь Долматъ вручилъ Ивану-царевичу жаръ-птицу съ золотою клѣткою. Царевичъ взялъ жаръ-птицу, пошелъ за городъ, сѣль на коня златогриваго вмѣстѣ съ прекрасной королевной Еленою и поѣхалъ въ свое отечество. Царь же Долматъ вздумалъ на другой день своего коня златогриваго обѣзѣдить въ чистомъ полѣ и лишь только разъярилъ коня, какъ онъ сбросилъ съ себя царя Долмата и, оборотясь попрежнему въ сѣраго волка, побѣжжалъ и нагналъ Ивана-царевича. „Иванъ-царевичъ!“ сказаль онъ, „садись на меня, на сѣраго волка, а королевна Елена Прекрасная пусть єдетъ на конѣ златогривомъ“. Иванъ-царевичъ сѣль на сѣраго волка, и поѣхали они въ путь. Какъ скоро довезъ сѣрой волкъ Ивана-царевича до тѣхъ мѣстъ, где его коня разорвалъ, онъ остановился и сказаль: „Ну, Иванъ-царевичъ! послужилъ я тебѣ довольно вѣрою и правдою. Вотъ на семъ мѣстѣ разорвалъ я твоего коня на двое, до этого мѣста и довезъ тебя. Слѣзай съ меня, съ сѣраго волка, — теперь есть у тебя конь златогривый, а я тебѣ больше не слуга“. Сѣрой волкъ вымолвилъ эти слова и побѣжжалъ въ сторону, а Иванъ-царевичъ заплакаль горько по сѣромъ волкѣ и поѣхалъ въ путь свой съ прекрасною королевною.

Долго ли, коротко ли єхалъ онъ съ прекрасною королевною Еленою на конѣ златогривомъ и, не доѣхавъ до своего государства за двадцать верстъ, остановился, слѣзъ съ коня и вмѣстѣ съ прекрасною королевною легъ отдохнуть подъ деревомъ; коня златогриваго привязалъ къ тому же дереву, а клѣтку съ жаръ-птицею поставилъ подлѣ себя. Лежа на мягкой травѣ и ведя разговоры полюбовные, они крѣпко уснули. Въ то самое время братья Ивана-царевича, Димитрій и Василій-царевичи, єздя по разнымъ государствамъ и не найдя жаръ-птицы, возвращались въ свое отечество съ порожними руками; нечаянно наѣхали они на своего соннаго брата Ивана-царевича съ прекрасною королевною Еленою. Увидя на травѣ коня златогриваго и жаръ-птицу въ золотой клѣткѣ, весьма на нихъ прельстилися и вздумали брата своего Ивана-царевича убить до смерти. Димитрій-царевичъ вынуль изъ ноженъ мечъ свой и закололъ Ивана-царевича; потомъ разбудилъ прекрасную королевну Елену и началъ ее спрашивать: „Прекрасная дѣвица! какого ты государства, и какого отца дочь, и какъ тебя по имени зовутъ?“ Прекрасная королевна Елена, увидя Ивана-царевича мертваго, крѣпко испугалась и въ горькихъ слезахъ говорила: „Я — королевна Елена Прекрасная, а доссталъ меня Иванъ-царевичъ, какого вы злой смерти предали. Вы тогда бѣ были добрые витязи, если бѣ выѣхали съ нимъ въ чистое поле да живаго побѣдили; а то убили соннаго, и тѣмъ какую себѣ похвалу получите? Сонной человѣкъ — что мертвый!“ Тогда Димитрій-царевичъ приложилъ свой мечъ къ сердцу

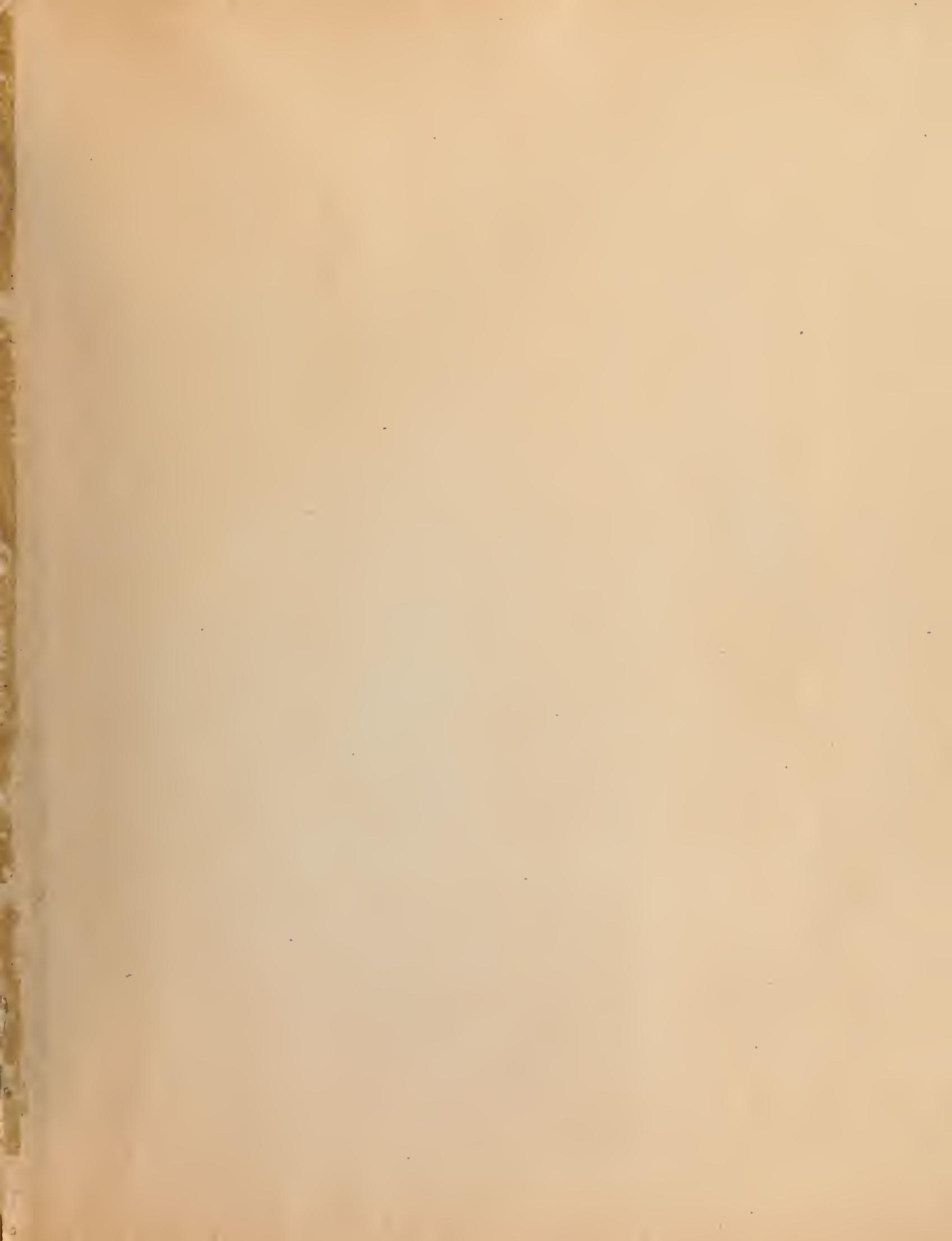
прекрасной королевны Елены и сказала ей: „Слушай, Елена Прекрасная! ты теперь въ нашихъ рукахъ; мы повеземъ тебя къ нашему батюшкѣ, царю Выславу Андроновичу, и ты скажи ему, что мы и тебя достали, и жаръ-птицу, и коня златогриваго. Ежели этого не скажешь, сейчасъ тебя смерти предамъ“! Прекрасная королевна Елена, испугавшись смерти, обѣщалась имъ и клялась всею святынею, что будетъ говорить таѣ, ѣаѣ ей вѣльно. Тогда Димитрій-царевичъ съ Васильемъ-царевичемъ начали метать жеребей, кому достанется прекрасная королевна Елена и кому конь златогривый. И жеребій палъ, что прекрасная королевна должна достаться Василью-царевичу, а конь златогривой Димитрію-царевичу.

Иванъ-царевичъ лежалъ мертвъ на томъ мѣстѣ ровно тридцать дней, и въ то время набѣжалъ на него сѣрой волкъ и узпалъ по духу Ивана-царевича; захотѣлъ помочь ему—оживить, да не зналъ, ѣаѣ это сдѣлать. Въ то самое время увидѣлъ сѣрой волкъ одного ворона и двухъ воронятъ, которые летали надъ тѣломъ и хотѣли спуститься на землю и падѣться мяса Ивана-царевича. Сѣрой волкъ спрятался за кустъ, и ѣаѣ скоро воронята спустились на землю и начали єесть тѣло Ивана-царевича, онъ выскочилъ изъ-за куста, схватилъ одного вороненка и хотѣлъ было разорвать его на=двоемъ. Тогда воронъ спустился на землю, сѣлъ поодаль отъ сѣраго волка и сказала ему: „Охъ, ты гой еси, сѣрой волкъ! не трогай моего младаго дѣтища; вѣдь онъ тебѣ ничего не сдѣлалъ“.— „Слушай, Воронъ Вороновичъ! молвилъ сѣрой волкъ, „я твоего дѣтища не трону, когда ты миѣ со-

служиши службу: слетаешь за тридевять земель, въ тридесятое государство и принесешь мнѣ мертвай и живай воды". На то Воронъ Вороновичъ сказаъ сѣрому волку: „Я тебѣ службу эту сослужу, только не троиьничѣмъ моего сына". Выговорилъ эти слова воронъ и улетѣлъ. На третій день воронъ прилетѣлъ и принесъ съ собой два пузырька: въ одномъ — живая вода, въ другомъ — мертвая, и отдалъ тѣ пузырьки сѣрому волку. Сѣрой волкъ взялъ пузырьки, разорвалъ вороненка на-двоє, спрыснулъ его мертвовою водою — и тотъ вороненоцъ сросся; спрыснулъ живою водою — вороненоцъ встрепенулся и полетѣлъ. Потомъ сѣрой волкъ спрыснулъ Ивана-царевича мертвовою водою — его тѣло срослося, спрыснулъ живою водою — Иванъ-царевичъ всталъ и промолвилъ: „Ахъ, куда ѣка я долго спалъ"! На то сказаъ ему сѣрой волкъ: „Да, Иванъ-царевичъ, спать бы тебѣ вѣчно, ѣабы не я: вѣдь тебя братья твои изрубили, а прекрасную королевну Елену и коня златогриваго и ѡаръ-птицу увезли съ собою. Теперь поспѣшай, ѣакъ можно скорѣе, въ свое отечество: братъ твой Василій-царевичъ женится сегодня на твоей невѣстѣ — на прекрасной королевнѣ Еленѣ. А чтобы тебѣ поскорѣе туда поспѣть, садись лучше на меня, на сѣраго волка: я тебя на себѣ донесу". Иванъ-царевичъ сѣлъ на сѣраго волка; волкъ побѣжалъ съ нимъ въ государство царя Выслава Андроновича, и долго ли, ѣоротко ли, — прибѣжалъ ѣь городу.

Иванъ-царевичъ слѣзъ съ сѣраго волка, пошелъ въ городъ и, пришедшчи во дворецъ, засталъ, что братъ его Василій-царевичъ воротился съ королевной отъ вѣнца и сидитъ за столомъ. Увидала Иванъ-царевича Елена Прекрасная, тотчасъ выскочила изъ-за стола, начала цѣловать его въ уста сахарныя и закричала: „Вотъ мой любезный јенихъ Иванъ-царевичъ, а не тотъ злодѣй, ѣоторой за столомъ сидитъ"! Тогда царь Выславъ Андроновичъ всталъ съ мѣста и началъ прекрасную королевну Елену спрашивать: что бы такое это значило. Елена Прекрасная разсказала ему всю истинную правду, что и ѣакъ было. Царь Выславъ весьма обсердился на Димитрія и Василія-царевичей и посадилъ ихъ въ темницу; а Иванъ-царевичъ јенился на прекрасной королевнѣ Еленѣ и началъ съ нею јить дружно, полюбовно, ѣакъ что одинъ безъ другаго нижে единаго мига пробыть не могли.

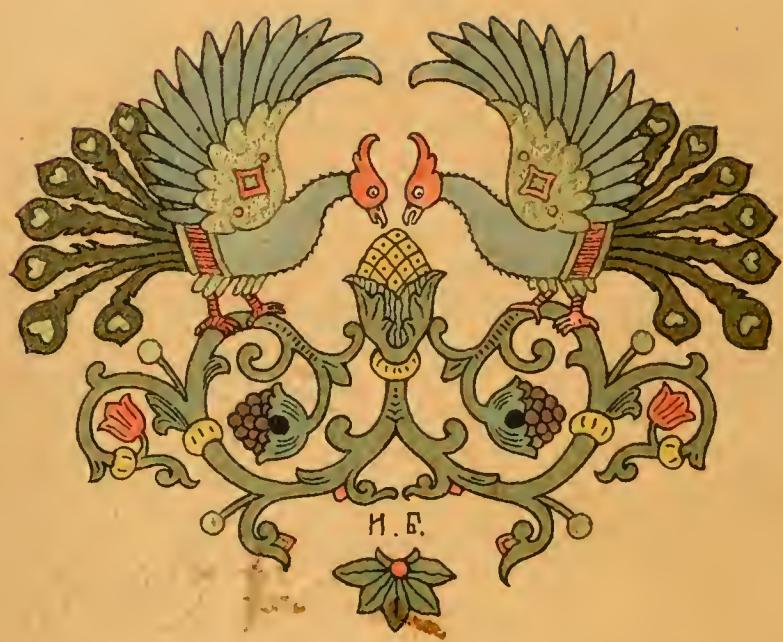

PG
3115
S6

Skazka ob Ivanie-tsareviche,
Zhar-ptitsie i o sierom
volkiie

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

Цена 75 қол.